

Мы назвали книгу молодого журналиста, обозревателя «Новой газеты» из Владивостока, Василия Авченко «документальным романом» — из-за того, что с романом ее роднит узнаваемая на каждой странице авторская интонация, а еще потому, что рассказ о праворульном движении на Дальнем Востоке превращается у Авченко в растянутое на триста с лишним страниц объяснение в любви. К своему, центру забытому, краю, к городу Владивостоку и к «японкам» — подержанным праворульным «Тойотам», «Ниссанам» и «Хондам». Именно «японки» дали авченковским землякам то трудноформулируемое, но понятное всем «на раз» чувство, которое можно назвать чувством собственного достоинства и независимости. Это зависит можно от чего-то или кого-то, а «не зависеть», быть в ладу с самим собой и обладать достоинством — совсем другое дело, дело любви, а не вражды или ненависти. Роман Василия Авченко как раз об этом.

**Александр ИВАНОВ,
Михаил КОТОМИН**

Василий АВЧЕНКО

Правый руль

Я расскажу тебе о крае, в котором ты очутилась, когда тебя, всю в белых надписях толстым маркером и в соляном налете от залетавших на палубу волн, выгрузили на причал, где стояли высокие люди со странными лицами. Если бы ты могла взглянуть в правый нижний угол карты той территории, которую раньше обозначали гордой и даже грозной аббревиатурой «СССР», а теперь унижительно называют «постсоветским пространством», я бы показал тебе небольшой продолговатый отрожек суши на крайнем юго-востоке, очертаниями напоминающий итальянский «сапог» и выдающийся в море. Это море южные корейцы зовут Восточным, северные корейцы — Корейским Восточным, а японцы и нещепетильные в таких вопросах русские — Японским. На полуострове расположен российский город Владивосток, именуемый китайцами Хайшенъэй, что означает «залив трепанга», а японцами — Урадзиосутоку.

Тебе нечем увидеть карту этой территории. Ты можешь только осязать ее своими черными круглыми бескамерными подошвами. Я дам тебе такую возможность. И еще расскажу о том, как зимой на обледенелые склоны сопки отчаянно карабкаются автомобили, а летними ночами в море мерцают искорки планктона — не офисного, а самого настоящего; как разноцветно умирают кальмары, а на берег зачем-то выплывают целые полчища краснокорых крабиков; как на пустыре, запачканный ацетоном и коноплей, подростки варят местный легкий курительный наркотик под названием «химка», а во рту тает еше живой, только что взятый с песчаного морского дна гребешок, политый соевым соусом. Как цветут нежнейшим розовым цветом на городских улицах абрикосы-дички, а за городом, еще в его черте, растут лимонниковые и кишмишевые лианы, кедры и маньчжурские орехи — близкие родственники грецких. Как в море в теплые недели заплывают с юга акулы и смертельно ядовитая рыба фугу — любимое блюдо самураев-ортодоксов и зомби, которую я как-то сдуру чуть не съел. Как из воды выпрыгивает высоко к солнцу другая рыба — пиленгас, где-то далеко на западе именуемая кефалью. Я буду рассказывать долго, пока ты не поймешь все.

Поняв, ты не захочешь возвращаться на родину никогда.

Творцы автожаргона редко обладали филологическим образованием (хотя были и такие; в автобизнес хлынули все подряд — вдруг обедневшие инженеры, педагоги, ученые). Поэтому, обрусев, иностранные названия не всегда соответствовали канонически правильной произношению. В начале Великой праворульной эпохи люксовый внедорожник Toyota Land Cruiser нередко называли «Ланд Краузер». Позже, в середине 90-х, национальный герой нашего города Илья Лагутенко использовал в своей знаменитой композиции «Владивосток 2000» не очень употребительную форму «круизер» — возможно, просто для рифмы. Постепенно в качестве приоритетного варианта утвердилось приближенное к нормам английского произношения «Лэнд Круизер» (с ударением во втором слове на первый слог). В обиходе можно услышать варианты «крузак», «лэнд», «кукурузер», «тээлка»

или «тээлси» (от английской аббревиатуры TLC) или просто «мамка».

Toyota Chaser — пример того, как в речи вопреки логике утвердился заведомо неправильный вариант произношения. Сначала имя этого модного у молодых бандитов мускулистого заднеприводного хищника произносилось то «чейзер», что наиболее правильно, то «чазер» или «чайзер». В итоге прижился, как ни странно, именно последний гибридный вариант, самый неправильный из трех. Уже от него пошло и полуслушное прозвище этой же машины — «чайник». Мой ранимый слух победителя школьных районных олимпиад по русскому и английскому долго сопротивлялся «чайзеру», но в итоге пришлось смириться: язык — живой, ему не прикажешь. Теперь и для меня этот выразительнейший представитель славного племени маркообразных (от Toyota Mark II) заднеприводных седанов — только «чайзер». То же самое — с микроавтобусом Toyota Hi Ace. Никто не назовет его «хай эйс», для русского языка и слуха более удобным оказалось просто «хайс». Так же когда-то прижились в нашем языке Техас, Лондон, Париж и Неаполь, а не Техас, Ландон, Пари и Наполи. И куда уже не денешься.

Проникая в нашу жизнь, новые понятия порождали новые слова. Покемония, Япия, Попония, Косорыловка — это все Япония, куда мы без нее. Паки — пакистанцы, хозяйка японских стоянок подержанных автомобилей, которые зажавшиеся самураи сбрасывают по нашим меркам практически новыми, не нюхавшими еще бензина по-настоящему. Аук — автомобильный аукцион. Каждая новая машина, выгружаясь на причалы Владивостока, Находки или Зарубино, чем-нибудь да обогатит наше арго. Губа — массивный, низко висящий передний бампер, элемент обвеса (если обвесы — по кругу, то это уже юбка). Чемодан — маркообразный автомобиль в старом, от середины 80-х до начала 90-х, угловатом кузове, напоминающем чемоданы советских отпускников. «Паскудик» — слово на самом деле ласковое. Так называют популярный компактный джип Suzuki Escudo (в евроверсии с левым рулем этот автомобиль известен как Vitara), он же «эскудик» или «эска». «Улыбка» — поколение бюджетного седана Toyota Carina 1992—1996 годов, у которой линия задней оптики действительно воплощена в форме улыбки. «Бочка» — Toyota Corgo 1992—1995 годов рождения, плотная, мясистая и правда бочкообразная, словно надутая изнутри. «Сайра» — это Soarer, звучит вполне по-тихоокеански. Не ломать же язык столь неудобнопроизносимым английским словом, пусть оно и переводится красиво — «парящий», «паритель» («парящая сайра» — замечательно! Выведенный в Приморье новый вид летучей рыбы). «Сафарь» — здесь мягкий знак, переводя слово в мужской род, сообщает подчеркнuto брутальный характер бесполому «Ниссану Сафари». Ведь это один из немногих стопроцентных внедорожников — огромный, с «честной» рамой, двумя мостами, знаменитым турбодизелем, наличием понижающего ряда передач. «Целка» — ничего неприличного. Как еще в обиходе именовать стремительную приземистую двухдверку Toyota Celica?

Несмотря на фонетическую близость, никто не назовет крошечный малолитражный Nissan March (на Западе он известен в леворульном варианте под именем Micra) «марчел-

лой», как Mark II. И наоборот — «маркушник» не назовут «марчком». В словах «королька» и «санька» суффиксы подчеркивают легковесность и непритязательность Toyota Corolla и Nissan Sunny, этих японских «лад». А вот представительский Crown никак не назовешь «краунком», скорее — «краунгой» или даже «краунищем».

В свое время в русской речи укоренилось слово «шестисотый», к которому уже можно не прибавлять избыточное «Мерседес». Нечто подобное произошло и с Land Cruiser, занявшим в Приморье примерно ту же престижную нишу, какую в Москве оккупировал пресловутый шестисотый. Со временем эту машину многие стали называть даже не «крузаком», но восьмидесяткой или соткой, в зависимости от поколения, смена которого фиксируется номером кузова. Помимо завуалированного намека на путь не кровное, но явное ментальное родство с «Мерседесом» (там — шестисотый, тут — сотый), такое обозначение несет в себе определенный информативный посыл. Ведь «лэнд» «лэнд» — рознь. Одно дело — танкообразная двухмостовая восьмидесятка, на которой впору прыгать по таежным заламам и форсировать реки. Другое — люксовая, но несколько уже приевшаяся сотка. И третье — оламуренный двухсотый. Последнему, кстати, не совсем подходит это мрачноватое прозвище, отсылающее к жаргону «афганцев» и «чеченцев» и намекающее (memento mori!) на рискованность профессии многих обладателей подобных автомобилей <...>.

«Пузотерки», «балалайки» и «табуретки» (не очень серьезные, но очень комфортные, не очень дорогие легковушки), «кенгурятники» и «бабкоотбойники» (укрепляемые спереди, обыкновенно на джипах, толстые металлические дуги), «мясорубки» (экзотические в наших краях ручные стеклоподъемники), «метлы» (дворники, очищающие заднее стекло), «зажигалки» и «газенвагены» (то есть автомобили с бензиновым или дизельным двигателем) — сколько здесь юмора и живой, не вымученной метафоричности! Прожженного автомобилиста легко узнать по оборотам его речи. Он не заливает, а льет в мотор различные не жидкости даже, но жижи, в критической ситуации не тормозит, а оттормаживается. Машину не покупает, но обязательно берет: «Взял на Зеленке хорька» (то есть Toyota Harrier). Бывалый авторемонтник посоветует вам не париться, авторитетно заметив про не выработавший свой ресурс до конца агрегат: «Еще походит». А когда даже капитальнее будет бесполезно, даст рекомендацию менять узел в сборе.

...Как они быстро обрусели, эти «японцы» и «японки»! Мы знаем, что такое сякен и паковская стоянка, по неуловимым мелочам отличаем близнецовых «Корсу» и «Терсела», «Левина» и «Труено». Мы делаем с ними то, что японцам никогда не пришлось бы в их высококоординированные головы. Ездим по правой стороне дороги и льем тошнотворный бензин от неистребимых наследников Василия Алибабаевича. Трясемся на липнувших к земле «спортивках» по колдобинам дачных грунтовок, обрывая обвесы и защиты, и колесим на лифтованных джипах по городу. Кладем стрелки дизельных старичков-грузовичков, наращиваем тормозные колодки, встав-

ляем в «Крауны» амортизаторы от «Волг». Дисциплинируем избалованных иностранок, как вобранцев <...>.

Великий праворульный путь, вместе с солнцем идущий на запад, не назовешь шелковым. Не говоря уже о естественных дорожных трудностях и форс-мажорах, порой обрабатывающихся минорами, перегонщики особо готовятся к двум напастям: летучим разводгруппам и прохождению участка от Хабаровска до Читы. Самыми чреватými в отношении дорожных корсаров, под тем или иным предлогом требующих с каждой машины определенную таксу за проезд, традиционно считаются окрестности Уссурийска (о чем несколько лет назад снял своего знаменитого «Спеца» местный режиссер с большой дороги — подлинный самородок Виталий Демочка) и Хабаровска. Тем, кто проскочил Хабаров, предстоит испытание федеральной автодорогой «Амур», которая якобы соединяет Читу и Хабаровск. Этот участок «федералки» в начале 2004-го, перед очередными президентскими выборами, торжественно открыл в Хабаровске на мосту через Амур сам Путин. Перерезание одним мановением жилистой президентской руки праздничной ленточки, однако, не укутало в асфальт убитую глухую «федеральную» грунтовку. Она проходит через такие медвежьи углы Амурской области, про которые сложена поговорка «Бог создал Сочи, а черт — Сквородино и Могочу». По этому кое-как обозначенному направлению отчаянные, вооруженные монтировками и «Осами» парни-перегоны как ползли до разрезания ленточки, так ползут и теперь. Сколько рваных покрышек оставлено по обочинам той благословенной президентом «федералки», сколько поддонов пробито — японский бог весть.

На неровной грунтовой площадке дремлют разноцветные металлопластмассово-резиностеклянные существа. Одни стоят безмолвно. Другие вздрагивают во сне, вскрикивают сиреной, прогоняя дурной сон про аварию, поскрипывают промерзшими подвесками, перемигиваются веселыми оранжевыми огоньками. Планета уже подставила свету и теплу очередную щеку, и солнце, до того безуспешно пытавшееся вскипятить Тихий океан, наконец дотягивается до территории, которую на картах принято обозначать красным цветом. Существа одно за другим просыпаются, вздыхая и откашливаясь на разные голоса, прогревают свои застывшие за ночь внутренности. Оживают, разминаются и постепенно расплзаются. Едут поодиночке, собираются в ручейки, которые вливаются в широкую реку, отмеченную красными огоньками стоп-сигналов и бело-желтым светом фар. Им всем нужно в центр города, куда их тянет невидимый огромный магнит. Вечером магнит сменит плюс на минус и начнет выплевывать машины обратно. Так спрут играет шупальцами, то расправляя их, то снова поджимая.

Я иду утром по стоянке и поедаю их глазами и ушами. Слышу, как где-то с ходу завелся бензиновый моторчик небольшого объема, а вот, коротко сизнув, затарахтел джиповский дизель. Проходя мимо, касаюсь их сонных, живых, теплеющих тел.